
Политический дискурс

Сергей ФОКИН

ШАРЛЬ МОРРАС И СЛОВЕСНОСТЬ «ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЙСТВИЯ»

Аннотация. В статье рассматриваются основные литературные источники и составные части доктрины «интегрального национализма», разработавшейся в трудах французского писателя, поэта и мыслителя Шарля Морраса (1868–1952), главного идеолога общенационального интеллектуально-политического движения (Лиги) «Action française» («Французское действие»), французского патриота, приговоренного после освобождения Франции к пожизненному заключению за пособничество нацистской Германии.

Ключевые слова: «Французское действие», литература и политика, литературный национализм, интегральный национализм, средиземноморская поэтика, неоклассицизм.

Сергей Леонидович ФОКИН, филолог, переводчик, историк идей, доктор филологических наук, заведующий кафедрой немецкого, романских и скандинавских языков и перевода СПбГЭУ. Сфера научных интересов — русская и французская литература и философия, немецко-французские культурные взаимосвязи, поэтика текста, история, теория, философия перевода. Автор многочисленных работ по указанной проблематике, в том числе монографий «Жорж Батай: Философ-вне-себя» (2002), «Фигуры Достоевского во французской литературе XX века» (2013). Email: serge_fokine@mail.ru.

24 января 1945 года в городском суде Лиона начался процесс по делу Шарля Морраса (1868–1952), знаменитого французского поэта, писателя, мыслителя, главного идеолога «Action française» («Французское действие»), общенационального интеллектуально-политического движения (Лиги), влияние которого во Франции первой половины XX века сопоставимо разве что с теми вихрями коммунистической и марксистской идеологии, что захлестнули умы просвещенных французов в 1950–1970-е годы¹. Морраса судили как изменника родине; в вину писателю вменялись статьи, которые он печатал на страницах одноименной газеты «Французское действие»; таким образом, литературное слово не только не разошлось с политическим действием, но к нему приравнивалось, можно даже сказать, к нему сводилось: слово писателя как политическая акция. Более того, Морраса судили именно за силу писательского слова, за несомненный талант, могущество мысли, искусство убеждения. Секретарь суда, зачитав несколько отрывков из газетных выступлений писателя в годы оккупации (1940–1944), сделал в конце следующее заключение:

Статьи Морраса каждодневно цитируются по радио, воспроизводятся во всех газетах, получают распространение за

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Генеалогия, топология и ключевые фигуры литературного национализма во Франции XX века: Шарль Моррас, Морис Баррес, Шарль Пегги, Поль Валери, Пьер Дрие Ла Рошель, Жан Полан, Луи-Фердинанд Селин, Морис Бланшо», поддержанного РГНФ, №15-04-00478. За несколькими исключениями, отмеченными в тексте, все переводы с французского выполнены автором статьи.

¹ Движение существует до сих пор, выступая под лозунгом «Все, что национальное, — наше», не обладая, впрочем, заметным политическим авторитетом. См. сайт: <https://www.actionfrancaise.net/vie-du-mouvement>. Тем не менее недавние президентские выборы во Франции парадоксальным образом подтвердили одну из главных политических установок монархической политики — упразднение традиционных политических партий, раскалывающих единство нации в кризисной ситуации. Разумеется, современные политические аналитики «Французского действия» убеждены, что избранный президент не более чем голый король: «Франция “Шарли” выбрала шарлатана», спасовав перед реальным историческим вызовом.

границей, так что множество людей, которые ни разу в жизни не покупали ни одного номера «Action française», каждодневно знают, что думает Моррас, который отражает мысли Маршала (Ф. Петен (1856—1951) — глава французского государства в 1940—1944 годы. — С. Ф.). Итак, влияние Морраса на французское сознание было значительным; можно даже сказать, не рискуя ошибиться, преобладающим. Часть читателей, соблазнившись так называемой логикой этого изощренного софиста и его каверзной аргументацией, предоставила Маршалу то, что тогда называли «слепым доверием». Поскольку ослепленное тем самым общественное мнение было обмануто, благодаря, разумеется, этой лживой пропаганде, Маршалу и его правительству удалось принять ряд мер, которые прямо или косвенно пошли на пользу Германии [Assouline: 57].

В самой сцене суда над Моррасом проступает что-то аналогичное судилищу над Сократом: оба мудреца были осуждены за то, что воплощали угрозу национальным интересам. Правда, «развращал» французский Сократ не только круги избранной столичной и провинциальной молодежи, но, благодаря средствам технической воспроизводимости искусства убеждения, львиную долю читающих французов, очевидно прельщенных доводами новоявленного софиста; правда и то, что в изложении секретарем суда сути обвинений «демоном» Морраса выступал не внутренний голос мыслителя, а сам государь, что, в общем-то, могло бы облегчить участь обвиняемого, но столь изощренная логика была, по всей видимости, на подозрении у ревнителей французской морали; наконец, если Сократ, учивший «новым богам», был принужден выпить яд, поскольку был воплощенной угрозой старым и добрым традициям Афин, то почти восьмидесятилетнего патриарха французской словесности, члена Французской академии, изощренного блюстителя французского слога и рьяного ревнителя французского духа приговорили к пожизненному теремному заключению за... государственную измену в пользу Германии.

Наверное, трудно было бы себе представить более горькую чашу, нежели та, что уготовило французское правосудие для этого неисправимого германофоба, неустанно бившегося с идейной Германией на протяжении всей своей

многогранной творческой жизни: сойти в могилу с позорной славой немецкого пособника. Однако Моррасу достало интеллектуального мужества не смириться, не отречься от того, что он полагал истинной Францией и истиной Францией: за семь лет, которые ему оставалось прожить во французских тюрьмах, он выпустил ряд полемических работ, руководил подготовкой издания своих «Капитальных сочинений», писал воспоминания, лирическую и философскую прозу, перерабатывал старые и писал новые стихи.

Писатель скончался 16 ноября 1952 года в клинике Сен-Симфорьен в провинциальном Туре. 20 ноября в Париже под куполом Французской академии, где кресло Морраса, несмотря на лишение писателя французского гражданства и всех официальных регалий, оставалось вакантным, знаменитый романист Жорж Дюамель (1884—1966) произнес прощальное слово перед вставшими в знак почтения «бессмертными»: «Он осуществлял реальное влияние на мысль нашей страны как раз в тот момент, когда Франция более всего нуждалась в том, чтобы заново сосредоточиться на себе» [*Charles...* 2011: 390].

Возвращаясь к злополучному процессу, который до сих волнует общественность Франции², необходимо заметить, что в вину Моррасу-журналисту вменялись, прежде всего, нападки на генерала де Голля, в 1940 году создавшего в Лондоне движение «Свободная Франция», оппозиционное правительству маршала Петена (законсообразно получившего полные полномочия от Национальной Ассамблеи в июне 1940 года. — *С. Ф.*), а также выступления в защиту милиции (что-то вроде национальной гвардии

---

² См., например, книгу известного французского адвоката Ж.-М. Федида, не лишенную, правда, грубых фактологических ошибок: [Fédida]. См. также более выдержанную работу другого адвоката, посвященную всем судам и всем тюремным заключениям, через которые прошел в демократической Франции яростный полемист, многократно бросавший вызов как высшим государственным сановникам III Республики, так и папской курии, за что был отлучен от католической церкви: [Wagner].

в годы оккупации. — С. Ф.). Помимо того — изобличение конкретных лиц, которые были противниками существовавшего режима, правда, последний пункт не подтвержден следствием. Государственный обвинитель, комиссар Временного правительства, в своей речи поспешил сделать упор на том, что процесс никоим образом не является политическим: Франция-де судила не идеолога «Французского действия», властителя дум десятков тысяч французов — членов Лиги по всей стране, а выразителя идей коллаборациониста маршала Петена, что само по себе было грубой натяжкой, так как у мыслителя были собственные идеи, далеко не во всем совпадавшие с точкой зрения Маршала, которую, впрочем, в 1940—1943 годах пассивно или активно принимало подавляющее большинство французов.

При этом прокурор уточнял, что в литературной борьбе, которую писатель вел со своими политическими противниками, необходимо различать два этапа — довоенный, когда жесткая полемика могла иметь место с обеих сторон, и собственно военный, когда оппоненты «Французского действия» не могли ответить на критику. Заметим, что в последнем аргументе также присутствовала доля лукавства: противники режима Виши имели в своем распоряжении голос «Свободной Франции» де Голля, который доносился из Лондона и который время от времени тоже указывал участникам Сопротивления на слишком рьяных сторонников Маршала, а также нелегальная пресса, в том числе знаменитая подпольная газета «*Lettres Françaises*» («Французская словесность»), где начиная примерно с 1943 года, то есть с шока Сталинградской битвы, стали звучать призывы к «чисткам».

Как это ни парадоксально, но в слове «чистки», до боли привычном для русского уха, следует признать прямое лингвистическое заимствование, которое пришло в русскую культуру из политического словаря эпохи Французской революции. Действительно, исторические словари французского языка фиксируют словоупотребление существительного «чистка» («*épuration*» — от глагола «*épurer*» — чистить) в значении «очищать» государственные органы, политическую партию, публичные профессии от нежелательных элементов в 1791 году, когда якобинцы взяли за

чистки революционных рядов. В «Истории Французской революции» Ж. Мишле (1798–1874) верно передал неукоснительную логику «чисток», которая среди прочих элементов предполагает известную и неустранимую общность между корпусом «чистильщиков» и теми, от кого они стремятся себя очистить:

Если друзья свободы видят, что ряды их тают, значит, они сами этого хотели. Многие придумали себе на голову систему последовательных чисток, отличающуюся изощренной ортодоксальностью и направленную на то, чтобы из партии сделать секту, крошечную церковь. Сначала отбрасывают одно, потом другое; в изобилии являются ограничения, различия, исключения. Каждый день открывают какую-то новую ересь [Michelet: 36].

Помимо установленной общности, связывающей инициаторов чисток с жертвами, в определении Мишле следует обратить внимание на неискоренимо религиозный характер процесса: негодных устраняют во имя некоей «чистой» идеи — свободы, справедливости, Франции. В сущности, в ходе «интеллектуальных чисток» во Франции 1944–1945 годов французы судили французов за то, что последние были не такими «чистыми» французами, которыми мнили себя первые.

Парадокс этой ситуации только усугублялся тем обстоятельством, что Моррас и его последователи все прежнее время полагали, что именно они, а не другие, представляли истинную Францию, которую они всемерно стремились очистить от всяких инородных элементов: английских, германских, еврейских, славянских влияний. Таким образом, всякому французу, сколько-нибудь знакомому с доктриной «интегрального национализма», обвинение Морраса в интеллектуальном пособничестве Германии могло показаться не просто противоречием в терминах, но воплощенным абсурдом. Так или иначе, но, по всей видимости, комиссару Временного правительства не было дела до подобных тонкостей; во всяком случае, можно думать, что он просил смертного приговора именно на том основании, что обвиняемый был бесспорно талантливым писателем:

Ответственность Морраса не подлежит сомнению. Этот старик обладает совершенной ясностью мысли. Он теоретик, абсолютный доктринер. Когда ему говорили во время слушания дела: ваши теории заводят далеко, вы некоторым образом благоприятствуете Германии, он отвечал: что я могу с этим поделаться? Это зашоренный доктринер, он витает в облаках, но на деле: патриотов расстреливают, избивают, наша армия и наши военачальники подвергаются оскорблениям. Моррас причинил неимоверное зло Франции, прежде всего своим талантом, своим академическим гением <...> Он скажет вам, как любой доктринер: мои ученики переврали мои мысли. Но когда ты полемист, когда ты так часто пишешь, когда все могут читать твои статьи, зачастую их не понимая — поскольку многие статьи Морраса не так легко понять, — ты возлагаешь на себя ответственность не только перед жертвами, не только перед участниками Сопротивления, но также и перед теми, кто сражался с Сопротивлением, кого сейчас судят, приговаривают и иной раз казнят [Assouline: 58].

Как уже говорилось, недостоверные обвинения в доносительстве, выдвинутые сомнительными личностями, в зале суда не рассматривались; кардинальный вопрос об ответственности писателя за свои слова почти не обсуждался; два главных пункта обвинения — измена родине (статья 75 Уголовного кодекса) и печатные выступления, порочащие честь и достоинство французской армии или нации, «направленные на оказание помощи иностранной державе» (статья 76), вызвали самые горячие дискуссии между стороной обвинения и адвокатами³. В последнем слове Моррас справедливо обращал внимание на то, что в зале суда больше говорилось об Англии и Германии и «так мало о том, что является центральным и жизненным пунктом этого дела, то есть о Франции, одной только Франции, вечной Франции, которая столько всего натерпелась, столько настрадалась» [Assouline: 59].

---

³ Полностью материалы дела доступны в факсимильном переиздании ставшей редкостью публикации 1946 года: [Charles... 1994].

После оглашения вердикта суда, согласно которому почти восьмидесятилетний писатель был приговорен к пожизненному заключению, Моррас выкрикнул: «Это реванш Дрейфуса!» Судя по всему, не все в зале поняли, о чем идет речь: зимой 1945 года у французов были иные заботы и иные тревоги, нежели воспоминания о пятидесятилетней давности деле капитана Дрейфуса, некогда всколыхнувшем всю страну. По замечанию французского историка А. Руссо, «осуждение престарелого германофоба за “пособничество Германии” было не столько реваншем Дрейфуса, сколько концом целого мира» [Roussou: 79]. Это суждение, в общем и целом верное в историографическом плане, нуждается в уточнении в плане истории идей: осуждение Морраса, увиденное самим писателем, прежде всего, как триумф левых интеллектуалов, для которых имя Дрейфуса стало своего рода политическим знаменем и опознавательным знаком, отнюдь не означало конца литературной, политической и философской традиций, объединенных в творческом сознании мыслителя, всю свою жизнь бившегося за чистую, идеальную Францию.

Нельзя, разумеется, сказать, что учение Морраса и «Французского действия» бессмертно, потому что оно верно; тем не менее следует признать, что обращение к наследию писателя является не только оправданным, но во многих аспектах весьма актуальным, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что в современной Франции интерес к творчеству Морраса характеризуется такой динамикой, что вполне законно будет говорить о своеобразном «ренессансе» моррасизма, в котором, в свою очередь, трудно не заметить отражений более общих тенденций французской культурно-политической жизни, тяготеющей к тому, что можно было бы назвать «новой консервативной революцией»⁴.

В задачи настоящей работы не может входить скольконибудь пространный обзор «трудов и дней» Морраса, тем более что заинтересованного читателя можно отослать

---

⁴ Помимо уже цитировавшегося альманаха «Cahier de l'Herne», выход в свет которого означал признание за писателем статуса безусловного классика не только французской, но и мировой литературы

к обстоятельному философскому анализу основных его политических идей, представленному А. Руткевичем в послесловии к русскому переводу книги «Будущее интеллигенции», вышедшему в свет в 2003 году [Руткевич]. В этом этюде нам бы хотелось сосредоточиться главным образом на рассмотрении нескольких собственно литературных импульсов, что бились в сердцевине основного философского учения писателя — доктрине «интегрального национализма», ставшей одним из главных знамений литературного национализма во Франции XX века.

Паскаль: pro et contra

С самого начала творческого пути некая идея литературной Франции находилась в центре всех эстетических построений писателя, в интеллектуальном плане столь тяготевшего к классическому рационализму, что не приходится удивляться тому, что самым злым гением французской традиции стал для него Блез Паскаль (1623—1662), мыслитель глубокий, но непоследовательный, страстный, но бессистемный, религиозный, но слишком мятущийся. Моррас многократно откликнулся на «Мысли» Паскаля как в литературной критике, так и в переписке, но его «адская сказка» «Наказанный Паскаль», написанная в тюремной камере на закате жизни и опубликованная посмертно в следующем году, оказалась своего рода «последним сло-

---

[Charles... 2011], приведем здесь ряд новейших университетских исследований и публикаций более широкого плана, посвященных рассмотрению различных сторон многогранного наследия Морраса и наглядно свидетельствующих о том, что моррасизм снова находится на переднем плане интеллектуальной жизни Франции: [Goyet], [L'Action... 2001], [Prévotat], [Ce...], [L'Action... 2008], [Charles... 2009], [Entre...], [L'Action... 2010], [L'Action... 2011]. Отметим также новейшую биографию Морраса, выпущенную профессором кафедры новейшей истории Сорбонны О. Дардом, где развенчивается целый ряд мифов и «прописных истин», связанных с интеллектуальным обликом мыслителя, в частности то общее место, что Моррас и Петен были якобы духовно близки: [Dard]. О «новой консервативной революции» в современной Франции см.: [Lindenberg].

вом» в нескончаемом «судебном процессе» над паскалевским началом французской мысли, которое составляло один из главных импульсов литературного становления Морраса [Maugras 1953]. Он не мог простить автору «Мыслей», что тот открыл для него бездны метафизики, заставив усомниться как в вере, так и в разуме. В беседах со своим верным учеником А. Массисом (1886—1970) мэтр признавался, что «паскалевский кошмар» мучил его, начиная с уроков философии в выпускном классе лицея:

Наследуя через Монтеня скептикам, Паскаль первым открыл мне окно, выходящее на философское сомнение; он звал меня к субъективному идеализму, хотя сам я об этом даже не подозревал. Паскаль, этот Блез Паскаль, что жил нашими душами за два века до нас, нес в себе зерно неизлечимых болезней, которыми мы страдаем. Вот что я называю *дурной партейей* Паскаля [Massis: 20].

Моррасу не хватало в Паскале признания естественной способности интеллектуального суждения, он винил его в том, что *свидетельство* своего собственного религиозного отчаяния мыслитель поставил выше *разума*. Вместе с тем, со временем сам настрой мысли Морраса проникался одной стихией познания, которую он мог воспринять от Паскаля, — установкой на то, чтобы искать истину «в стенаниях»: речь не о том, чтобы поставить чувствование выше разума, но о том, чтобы исполнить разум чувственностью, яростным горением искателя истины. Как верно заметил в свое время французский мыслитель и публицист П. Бутан (1916—1998), остававшийся одним из самых убежденных последователей Морраса во французской философии XX века, антипаскалевская жилка настолько больно и настолько долго билась в сознании Морраса, что незаметно для себя мыслитель со временем превращался в Паскаля своего века: подобно тому, как в доктрине «интегрального национализма» соединялись, правда с большим трудом, *два языка* — католический и не католический [Boutand: 617], в сознании мыслителя, устремленном к торжеству способности ясного критического суждения, все время оставался более тем-

ный, более трагический образ «атлета Ночи, Зла и Смерти», каким ему представлялся, наверное, Паскаль:

Красота, торжество ясного разума над тенью всемирной,
Что душу заставляет вновь ожить и тело возрождает,
Ты жалости не лишена к смиренной искре,
Атлет Ночи, Зла и Смерти.

(«В защиту латинского духа»)

Красоты и торжества ясного разума Моррас искал в том, что современные исследователи называют «средиземноморской поэтикой», в отдельных отношениях совпадающей с той неоклассицистической тенденцией во французской литературе XX века, что стала ответной реакцией на темноты символизма в творчестве С. Малларме и сказалась, помимо творчества Морраса, в поэтических исканиях П. Валери и романном эксперименте М. Пруста; последний, впрочем, испытывая глубокую благодарность к предводителю «Французского действия» за то, что тот некогда заметил его первую книгу «Утех и дни» (1896), и всю творческую жизнь оставался ценителем литературной критики и прозы автора «Райской стези» (1921).

Эта поэтика, подразумевающая ряд рекуррентных литературных мотивов и общих мест (топосов), сказывающихся как в поэзии, так и в прозе — автобиографической, художественной, политической, — обнаруживает себя, прежде всего, в определенной интеллектуальной картографии: на первый план здесь выходит, разумеется, родной Прованс и столь же родной провансальский язык, характеризующийся своеобразной приморской мелодичностью, солнечной чувственностью, живой свободой, отродно отличающимися родную речь от подчиненного строгим академическим канонам французского языка [Maugras 2011]; вторая родина Морраса — древняя Греция, прежде всего Афины классического V века, где стиль писателя набирается вкуса к грации, изяществу, легкой или, наоборот, злой иронии; наконец, Моррас мыслит себя потомком Данте и, следовательно, Вергилия. Как будто откликаясь на идеи о «латинском гении», продолжающем жить в классической французской литературе, которые в свое время вынашивал Анатолий

Франс, его собственный провожатый в литературе, Моррас писал о столь далеких и столь близких ему поэтах:

Возможно, нет никаких латинских рас, мы говорим об этом вот уже тридцать лет, или же они существуют не иначе, как в глубинах той истории, что предваряет историю; зато есть латинский дух, который можно и должно культивировать и развивать. Но до сих пор это развитие было дурно почато, дурно упорядочено в своих законах. Эти законы можно наблюдать, когда мы вместе чувствуем Данте и Вергилия. А также их можно наблюдать, когда мы приветствуем в них мэтров классического порядка как в политике, так и в искусстве [Pinchard: 87].

Очевидно, что в «латинском гении» Моррас ценит больше всего способность следовать закону, который равно необходим как в искусстве, так и в политике. Вместе с тем в этих размышлениях сказывается давнее убеждение писателя в том, что как не может быть «чистой поэзии», сторонящейся политики, так не может быть и политики, абсолютно чуждой поэзии, разумеется, когда речь идет о поэтах. Поэт, хочет он того или нет, всегда является политиком, правда, если он этого не хочет, политику вместо него творят сами политики. Вот почему в Вергилии для Морраса важна именно воля к власти, закону, порядку:

Поэт порядка, поэт государства и нации, поэт империи, поэт мира, заново обретенного по истечении меланхолий войны, лишений, перемещений, поэт любви и ее горестей, традиции и ее надежд, Вергилий отвечал всем актуальным темам нашего времени и всех времен [Pinchard: 86].

Разумеется, Моррас актуализирует, осовременивает Вергилия, но это не значит, что он бросает поэзию на потребу дня: наоборот, всемерно выявляя злободневность классической поэзии, писатель стремится не только к тому, чтобы утвердить преемственность античной и классической литературных традиций, но и к тому, чтобы указать на неизбывную связь поэзии и политики. Вот почему Пьер Ронсар (1524—1585) является для него, подобно Вергилию, поэтом «нации, ее идей, ее нравов, ее веры, ее короля».

Лицом к лицу с «вечной Германией»

Идея французской нации, положенная в основание концепции «интегрального национализма», основана не на концепции расы, хотя Моррасу, как и многим его современникам, случалось употреблять два слова как синонимы, а на концепции французской культуры или, точнее будет сказать, французской цивилизации, если вспомнить, что слово «культура» ассоциировалось в современном интеллектуальном сознании Франции прежде всего с культурой немецкой. Более того, можно сказать, что именно в противопоставлении французской цивилизации немецкой культуре находится один из главных ключей к литературному национализму Морраса, который с самых первых печатных выступлений неустанно изобличал романтический идеализм немецкой мысли, своеобразно преломлявшийся в политическом пангерманизме, всегда готовом подчинить живую действительность абстрактной идее.

В ранней статье «Русский нигилизм и немецкая философия», представляющей собой рецензию на книгу французского историка, профессора «Свободной школы политических наук» Ф. Функ-Бретано «Немецкие софисты и русские нигилисты» (1897), Моррас, следуя тому же благоприобретенному антикантианству, которое было характерно для многих французских писателей и мыслителей того времени, не без иронии отмечал эту характерную склонность немецкой мысли к приземленной реализации абстрактных идей:

Каков бы ни был уровень уважения, с которым мы относимся к зарейнским системам, нельзя отрицать сокровенной опасности, что заключают в себе эти доктрины для любой социальной среды, в которую они проникают. Влияние Канта было деморализующим для всех, кто ему прямо следовал; однако не следует думать, что его воздействие было ничтожным вне этой сферы высокой культуры. Кант обрабатывал массы через своих последователей и через учеников этих последователей. Его учение вульгаризировали, применяли ко всем возможным наукам, особенно к тем, что чужды чистой абстрак-

ции, к таким наукам о жизни, как социальная экономия или политическая мораль: Штраус отрывается от гегельянского древа и порождает Фейербаха, который, в свою очередь, производит на свет Бруно Бауэра, выступая его духовным отцом. С философа, который грезит, мы ниспадаем до публициста: от публициста только шаг до агитатора⁵ [Maurras. *Nihilisme...*].

Необходимо заметить, что немецкий идеализм Моррас критикует не столько за тяготение к абстракциям, сколько за стремление воплотить абстракции в жизнь через новейшие гуманитарные науки, обладающие ярко выраженным практическим, прикладным характером. Можно было бы даже сказать, что он не приемлет этого смешения «критики чистого разума» с «критикой практического разума», которое, как это ни парадоксально, с течением времени стало характеризовать его собственную мысль. Действительно, подобно тому, как, все время пытаясь преодолеть в себе мятущегося автора «Мыслей», Моррас творил с «Паскалем в душе», нескончаемые антигерманские борения превращали его сознание в своеобразный французский сколок пангерманизма. Более того, в силу известного интеллектуального миметизма, в самой радикальности доктрины «интегрального национализма» так или иначе воспроизводились наиболее кардинальные тенденции немецкого философского национализма⁶.

В наиболее ярком виде эти интеллектуальные сцены, которые Моррас постоянно устраивал немецкой философии, представлены в передовой статье «Индивидуализм и пангерманизм», напечатанной в газете «Французское действие» в самом начале Первой мировой войны, названной по окончании «Великой». Очевидно, что сама ситуация войны ожесточила позиции французских литературных и философских националистов, однако даже на фоне общего патриотического подъема статья Морраса выделялась

---

⁵ Подробнее о критике Канта и немецкого понятия «Kultur» см.: [Hanna].

⁶ О понятии «философского национализма» в связи с немецкой философией см.: [Деррида].

крайне резким неприятием самой немецкой культуры, на которую он возлагал ответственность за развязывание европейской бойни. Исходя из чрезвычайно жесткого положения, согласно которому «немецкая культура радикально отличается от того, что человечество понимает под культурой и цивилизацией», Моррас-полемист делал заключение, что именно столпы немецкой культуры — Лютер, Кант, Фихте — заложили интеллектуальные основания той логики политического индивидуализма, следствием которого стала европейская катастрофа.

В этом ходе мысли автора статьи «Индивидуализм и пангерманизм» присутствовало несколько промежуточных звеньев, опустив которые мы рискуем не понять самой концепции «интегрального национализма»: первое из них заключается в культе контрреволюционной традиции, который, подобно культу аттической Греции, питал мысль Морраса⁷; второе представляет собой противопоставление самой традиции культу индивидуализма, порожденному как Просвещением, так и протестантизмом; третье, наконец, сводится к идее, что только монархия способна обеспечить мирное сосуществование индивида, все время тяготеющего к хаосу свободы, и традиции, сохраняющей государственный строй и культурную преемственность национального существования. К монархизму Морраса мы вернемся в заключение этой работы, а сейчас заметим, что мыслитель действительно делал довольно изощренный, если не извращенный, интеллектуальный ход, объявляя Канта... якобинцем.

В самом деле, связывая Канта, с одной стороны, с немецким национализмом, при том что, с другой — с революционным якобинством, Моррас давал понять, что и первый, и второе были следствием самой идеи Революции, оказавшейся разрушительной не только для французской, но и для европейской традиции политической жизни. Не то чтобы Моррас хотел замолчать то обстоятельство, что сама Революция 1789 года вызвала к жизни разного рода национа-

---

⁷ Подробнее об этом: [Kunter].

лизмы, но он явно стремился показать, что само событие Революции было не столько «французским действием», сколько логическим следствием немецкого протестантизма и наследовавшего ему немецкого Просвещения: именно Лютер, поставивший под сомнение идею религиозного авторитета, церковной иерархии, латинский канон Священного писания, положил начало хаосу индивидуализма и революционным взрывам. Американская исследовательница французской правой мысли М. Ханна остроумно замечает, что такая интеллектуальная уловка позволяет Моррасу не только подвергнуть жесткой критике немецкий национализм, но и указать своим французским оппонентам-республиканцам на то, что они не могут быть истинными французскими националистами [Hanna: 123]. Разумеется, что в построении Морраса имела место определенная надуманность, продиктованная, судя по всему, самой ситуацией войны, когда мышление философов, предавая забвению наказ Спинозы «не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать», было исполнено горением возбужденного национального чувства, что само по себе, однако, вовсе не исключает возможности верного прозрения сути вещей.

Действительно, как бы ни относиться к определенным тенденциям немецкой культуры, суммированным Деррида в понятии «философского национализма», необходимо признать, что Кант действительно не был чужд ни идее Революции, что энергично подчеркнул в своей работе о Ф. Гельдерлине французский философ-германист Ф. Федье [Fedier], ни идее такой революционной свободы индивида, что сопоставима с философией насилия, проповедовавшейся маркизом де Садом, о чем в свое время убедительно писал Ж. Лакан [Lacan]. Словом, Моррас был, возможно, не так далек от истины, когда объявлял Канта идейным вдохновителем великой европейской войны: косвенные подтверждения определенной верности такого взгляда на вещи можно увидеть как в ставшей со временем скандально знаменитой статье «От Канта к Крупшу», опубликованной в том же 1914 году русским немцем В. Ф. Эрном, так и в манифесте «Против немецкого духа: от Канта к Крупшу», который был опубликован чуть позднее талантливым литературным критиком и полемистом Л. Доде, ближайшим сподвижником Морраса

по «Французскому действию»; характерно, что и заглавие, и характер антинемецкого манифеста Доде если не восходили к работе Эрна, то очевидно перекликались и пересекались с логикой русского философа, возводившего современный германский империализм к идеям кенигсбергского идеалиста⁸.

О главных источниках и составных частях доктрины «интегрального национализма»

Как уже было сказано, доктрина «интегрального национализма» строилась в основном не на расовой теории, а на сравнительной истории цивилизаций. Более того, в самом основании учения Морраса лежало определенное понятие французской словесности, наследующей классической латинской традиции. Согласно авторитетному замечанию К. Рейно-Палиго, признанного специалиста по истории расизма во французской культуре, Моррас счастливо избежал той невероятной зачарованности, которую испытывало французское интеллектуальное сообщество конца XIX века в отношении естественных наук и, в частности, расовой антропологии и этнопсихологии:

Он остается в стороне от этого естественнонаучного поветрия мысли, которым соблазнились и питались многие писатели, философы, филологи и историки XIX века, включая Ренана, Тэна, Фуйе, но также Барреса. Моррас остается, прежде всего, литератором, поэтом, более зачарованным литературой, историей цивилизаций, нежели естественными науками [Reynaud-Paligot: 113–114].

Неприятие современных гуманитарных, естественных и социальных наук было продиктовано не только литературной по преимуществу стихией мышления Морраса; в немалой степени ему поспособствовали политические

---

⁸ Подробнее о Моррасе и германизме см.: [Mège].

убеждения монархиста и традиционалиста, поскольку приверженцы нового знания были чаще всего республиканцами, прогрессистами, материалистами, дарвинистами. Но самое неприемлемое для Моррасса заключалось в том, что некоторые из теоретиков расовой антропологии были отъявленными германофилами, защитниками теории превосходства германской расы или идеи сверхчеловека.

Вместе с тем в обсуждении доктрины «интегрального национализма» невозможно обойти молчанием одно положение, которое, наряду с воинственным антигерманизмом, образует ее неотъемлемую составляющую часть: речь идет об идее «государственного антисемитизма», посредством которого мыслитель предполагал защитить и «очистить» французскую нацию. Заметим сразу: в антисемитизме Моррасса нет идеи естественного, природного превосходства латинской расы над еврейской, германской или над какой-то другой; вместо этого в нем присутствует идея *исторического* или *культурного* превосходства одной расы или, точнее, нации, которая могла, например, предопределять его вызывающе высокомерные суждения о русской культуре. В отношении еврейского мира его мысль, наоборот, предельно напряжена именно потому, что исторически он ни в чем не уступает латинскому миру:

Речь не о том, чтобы ослабить какую-нибудь расу. В еще меньшей мере речь о том, чтобы преследовать и порочить какую-то религию. Речь о том, чтобы предохранить народ, французский народ, от соседства с другим народом, который, в общем и целом, живет в нем как отличное от него тело, ибо еврейские характеристики в евреях более активны, нежели французские во французах, повторяю, в общем и целом. Мне кажется, что мне известны и прекрасные и знаменательные исключения. В течение многих лет я наблюдал, правда, другое. Я видел, во что превращается еврейская среда, прежде патристичная и даже националистическая, когда вдруг разгораются страсти вокруг собственно еврейских интересов: тогда почти сразу все меняется, духовные и сердечные обыкновения, приобретенные за одно или два поколения, вмиг отменяются из-за пробуждения естественных, более глубоких факторов, идущих от самого еврейского бытия [Joubert: 317—318].

В заключении одной из самых взвешенных работ по теме «государственного антисемитизма» Морраса, из которой был позаимствован этот фрагмент и которая представляет собой печатный вариант доклада на международной конференции «Просвещенный антисемитизм», организованной в марте 2001 года в Университете Хайфы, автор приходит к следующему выводу:

В сознании многих Моррас был антисемитом и расистом, поскольку антисемитизм и расизм неотъемлемы друг от друга. Реальность, однако, сложнее. Если Моррас действительно наследовал идиотскому и — как бы то ни было — *варварскому* антисемитизму, который все время пронизывал французское общество, он никогда не давал повода думать, что евреи представляли собой низшую расу [Joubert: 317—318].

Очевидно, что в сознании мыслителя еврейский мир является своего рода камнем преткновения, грозящим обрушить всю его теоретическую постройку, призванную интегрировать разрываемый внутренними противоречиями французский мир. Именно в силу глубочайшей укорененности в национальной истории, культуре, религии, языке «еврейское бытие» живо противится тому усилию по интеграции французской нации, на которую направлен интеллектуально-политический проект Морраса.

Сама формулировка «интегральный национализм» восходит к коллективному манифесту, опубликованному в первом номере газеты «Французское действие», вышедшем в свет 21 марта 1908 года. В силу различных культурно-исторических обстоятельств этот литературный документ столетней давности не обсуждался сколько-нибудь подробно в русской литературной и философской критике. Вот почему имеет смысл привести его в нескольких характерных отрывках, анализом которых хотелось бы завершить эту работу:

Интегральный национализм

Незаметно, но терпеливо, с упорством настоящей страсти, вот уже несколько лет как работает «Французское действие»: оно постоянно повторяет, что взывает ко всему французскому народу.

Оно говорило это в своем журнале. Учило этому в своем Институте. Кричало об этом на своих собраниях и афишах. В передовице своей газеты, призванной ежедневно распространять свои идеи, «Французское действие» обязано повторить, что оно не обращено ни к одной партии. Вы чувствуете себя французом? Давайте поговорим о делах Франции только с точки интересов всей страны. Вот язык, на котором мы всегда говорили и теперь будем говорить ежедневно. Речь не о том, чтобы продвигать вперед наши личные предпочтения, наши вкусы или отвращения, наши склонности или наши волеизъявления. Мы берем то, что нас объединяет, — родина, историческая раса — и просим читателя занять ту же братскую точку зрения.

Нам не важны ни социальное положение, ни политические нюансы. Истина обязана продвигаться во всех кругах. Нам известно, что патриотизм есть повсюду и что доводы разума повсюду могут быть услышаны. Каковы бы ни были различия в нравах или идеях, существуют высшие принципы и сообщество самых глубоких чувств: здесь исчезает идея классовой борьбы или борьбы политических партий. Все наши политические выводы идут от этого фундаментального принципа: *важно, чтобы наша Франция жила*, а также от этого вопроса, поставленного не нами, а обстоятельствами: *как предохранить Францию от всех этих смертоносных сил?*

Разумеется, подобно нашим товарищам из националистической и консервативной прессы, мы будем всеми силами бороться с анархией. Если каждый французский патриот нам друг, а всякая серьезная идея нам представляется достойной обсуждения и рассмотрения, мы ни на шаг не отступим перед идеями, людьми, партиями, которые строят заговоры против страны. Да здравствует национальное единство! И пусть сгинут все разделяющие нас интересы. Мы не пощадим ни парламентской анархии, которая аннулирует саму власть, ее разделяя, ни экономической анархии, от которой жесточайше страдает французский рабочий, ни так называемой либерально-буржуазной анархии, причиняющей нам больше бед, нежели бомбы анархистов.

Мы будем бороться, как мы это делали всегда, с космополитической анархией, в силу которой управление Францией передается иностранцам по рождению или по сердцу, с университетской анархией, доверяющей воспитание юных французов

учителям-варварам, то евреям, то протестантам, которым следовало бы самим поучиться в соприкосновении с цивилизацией, духом и вкусом Франции. Мы покажем с ясностью, которой будет довольно, чтобы вызвать у них стыд, язвы домашней анархии, убивающей авторитет отцов или супружества, а самое главное — религиозной анархии, бьющейся над тем, чтобы разрушить католическую организацию или пытающуюся настроить против Церкви некое моральное единение, основанное на призрачных сущностях.

Идем же вглубь истины: поскольку нас разделяет не что иное, как республиканский режим, и поскольку этот исключительный в своем роде разделительный элемент организует и увековечивает эксплуатацию страны, которую он разделяет, «Французское действие» призывает всех настоящих граждан выступить против Республики <...>

Наши политические истины не восходят к запасам нашего личного воображения. Они живут в душах наших слушателей и наших читателей. Единственное, что здесь может быть важно, это заставить читателя-патриота открыть в глубинах собственных мыслей и собственных чувствований, возведенных до максимума ясного сознания, некую мысль... — О чем речь? — *О необходимости прибегнуть к Королю* <...>

Именно в этом заключается интегральный национализм. Он упорядочивает французские проблемы, обеспечивает их понимание; в нем прекрасно согласуется то, что в них есть противоречивого без него; например, очень сильная центральная Власть, но также полностью свободные города, провинции, коммуны должны будут посредством операции монархии, вместо того чтобы разрушаться, как это происходит в Республике, оказывать друг другу взаимопомощь и консолидироваться... [Maugras. *Le nationalisme...*]

Манифест был подписан целым рядом молодых журналистов, литераторов, публицистов националистического толка, имевших, правда, различные политические оттенки и уклоны, которых Моррасу удалось сплотить двумя понятиями, принадлежавшими собственно ему, — «интегральный» и «монархия». Впрочем, учитывая ту бесспорную роль подлинного властителя дум, которую он стал с успехом исполнять уже в ходе дела Дрейфуса, когда также близко сошелся

с Морисом Барресом (1862—1923), не разделявшим, однако, монархической идеи своего сподвижника, следует полагать, что в «Интегральном национализме» своеобразно отразились главные черты образа мысли и самого стиля существования Морраса: постоянная защита и прославление французского вкуса, французского духа, французской ясности и толика аттической иронии, которая чуть сдобривает рассуждение в наиболее патетических пассажах; резкое неприятие республиканского идеала, разрываемого борьбой различных политических партий, и парадоксальная демократичность самой направленности мысли, исключающей социальную иерархию; неизбывная забота о национальном единении и последовательное исключение всех чужеродных элементов, представляющих смертоносные для Франции силы; характерное беспокойство в отношении традиционных семейных, образовательных и религиозных ценностей и квазиавангардистская манера письма, во многом предвосхищающая стиль сюрреалистических манифестов и памфлетов; наконец, отчетливая антибуржуазность, парадоксальным образом сочетающаяся с категорическим отрицанием теории классовой борьбы. В свете очерченных противоречий легче, наверное, представить те смыслы, которые Моррас вкладывал в понятия «интегральный» и «монархия»: в сущности, они почти синонимы, поскольку монархия призвана интегрировать те реальные социальные оппозиции, которые порождены разного рода анархиями — политическими, но также религиозными, семейными, университетскими, экономическими и... литературными.

Действительно, в заключение необходимо подчеркнуть, что какие бы трансформации ни претерпела доктрина «интегрального национализма» на протяжении почти сорока лет своего активного существования, какие бы исторические потрясения ни пришлось пережить Франции в эти годы, какие бы персональные перипетии ни омрачали труды и дни Морраса, неизменной в его мысли оставалась забота о слове, словесности, которые, собственно говоря, составляли истинную силу «Французского действия». Как совершенно справедливо заметил однажды Т. С. Элиот, «для некоторых из нас Моррас представлял собой своего рода Вергилия, который вел нас к воротам храма» [*Charles...* 2011: 32].

Литература

Деррида Ж. Национальность и философский национализм // *Деррида Ж.* Позиции / Перевод с франц. В. В. Бибикина. М.: Академический проект, 2007. С. 126–144.

Руткевич А. М. Политическая доктрина Шарля Морраса // *Моррас Ш.* Будущее интеллигенции / Перевод с франц. и послесл. А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2003. (Серия «Идеологии»). С. 79–157.

Assouline P. L'Épuration des intellectuels. Bruxelles: Complexe, 1996.

Boutand P. Maurras. La destinée et l'œuvre. Paris: Plon, 1984.

Се qu'est la monarchie: programme politique et social / Précédé de Dom Besse, Maurras et la monarchie / J.-M. Besse, Y. Chiron (éds.). Lyon: Saint-Joseph, 2005.

Charles Maurras et Maurice Pujo devant la Cour de justice du Rhône: les 24, 25, 26 et 27 janvier 1945. Paris: Trident, 1994.

Charles Maurras et l'étranger, l'étranger et Charles Maurras: l'Action française — culture, politique, société II / O. Dard, M. Grunewald (éds). Bern, Berlin, Bruxelles: Peter Lang, 2009.

Charles Maurras. Cahier de l'Herne. 2011. No. 96.

Dard O. Charles Maurras: le maître et l'action. Paris: Colin, 2013.

Entre la vieille Europe et la seule France: Charles Maurras, la politique extérieure et la défense nationale / G. Soutou, M. Motte (éds). Paris: Institut de stratégie comparée, 2009.

Fédida J. M. L'Affaire Maurras Lausanne: L'Âge d'Homme, 2015.

Fédier F. Hölderlin Révolution Modernité // Politique des poètes. Pourquoi des poètes en temps de détresse / S/d de J. Rancière. Paris: Albin Michel, 1992. P. 65–83.

Goyet B. Charles Maurras. Paris: Presses universitaires de Sciences Po, 2000.

Hanna M. Contre Kante et la Kultur // L'Action française, culture, société, politique. III. Le maurrassisme et la culture / Olivier Dard, Michel Leymarie, Neil McWilliam (éds.) Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2010. P. 121–130.

Joubert J.-M. L'Antisémitisme d'État de Charles Maurras // Charles Maurras. Cahier de l'Herne. P. 317–318.

Kunter T. Charles Maurras: la Contre-Révolution pour héritage. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 2009.

Lacan J. Kant avec Sade // *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 765–790.

L'Action française et l'étranger: usages, réseaux et représentations de la droite nationaliste française / C. Pomeyrols, C. Hauser (éds). Paris: L'Harmattan, 2001.

L'Action française: culture, société, politique / M. Leymarie, J. Prévotat (éds). Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2008.

L'Action française, culture, société, politique. III. Le maurrassisme et la culture / O. Dard, M. Leymarie, N. McWilliam (éds). Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2010.

L'Action française, culture, société, politique. IV. Maurrassisme et littérature [Texte imprimé] / O. Dard, J. Guérin, M. Leymarie (éds). Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2011.

Lindenberg D. Le Rappel à l'ordre. Enquête sur les nouveaux réactionnaires. Paris: Seuil, 2016.

Massis H. Charles Maurras et notre temps. Paris-Genève: La Palatine, 1951.

Maurras Ch. Pascal puni. Paris: Pierre de Tartas, 1953.

Maurras Ch. La langue provençale // Charles Maurras. Cahier de l'Herne. 2011. N° 96. P. 93–95.

Maurras Ch. Le nationalisme intégrale // URL: <http://maurras.net/textes/142.htmlnote1>.

Maurras Ch. Nihilisme russe et la philosophe allemande // URL: <http://maurras.net/textes/202.htmlp5>.

Mège Ph. Maurras et le germanisme. Paris: Éditions de l'Encre, 2004.

Michelet J. Préface (1847) // Œuvres complètes de J. Michelet. Histoire de la Révolution française (7 tomes). T. 1. Paris, s. d. (1893–1898). P. 31–46.

Pinchard B. Maurras entre Dante et Virgile. Essai gibelin // Charles Maurras. Cahier de l'Herne. 2011. No. 96. P. 85–88.

Prévotat J. Les catholiques et l'Action française: histoire d'une condamnation: 1899–1939 / Préf. de René Rémond. Paris: Fayard, 2001.

Reynaud-Paligot C. Maurras et la notion de race // L'Action française, culture, société, politique. III. Le maurrassisme et la culture. 2010. 113–114.

Rouso H. Vichy, le grand fossé // Vingtième siècle. 1985. No. 5. P. 55–80.

Wagner G.-P. Maurras en justice. Etampes: Clovis, 2002.

Bibliography

- Assouline P.* L'Épuration des intellectuels. Bruxelles: Complexe, 1996.
- Boutand P.* Maurras. La destinée & l'œuvre. Paris: Plon, 1984.
- Ce qu'est la monarchie: programme politique et social / Précédé de Dom Besse, Maurras et la monarchie / J.-M. Besse, Y. Chiron (éds.). Lyon: Saint-Joseph, 2005.
- Charles Maurras et Maurice Pujo devant la Cour de justice du Rhône: les 24, 25, 26 et 27 janvier 1945. Paris: Trident, 1994.
- Charles Maurras et l'étranger, l'étranger et Charles Maurras: l'Action française – culture, politique, société II / O. Dard, M. Grunewald (éds). Bern, Berlin, Bruxelles: Peter Lang, 2009.
- Charles Maurras / S. Giocanti, A. Tisserand (éds). Cahier de l'Herne. 2011. No. 96.
- Dard O.* Charles Maurras: le maître et l'action. Paris: Colin, 2013.
- Derrida J.* Natsionalnost' i filosofskiy natsionalizm [Nationality and Philosophical Nationalism] // *Derrida J.* Pozitsii [Positions] / Translated from French by V. V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007. P. 126–144.
- Entre la vieille Europe et la seule France: Charles Maurras, la politique extérieure et la défense nationale / G. Soutou, M. Motte (éds). Paris: Institut de stratégie comparée, 2009.
- Fédier F.* Hölderlin Révolution Modernité // Politique des poètes. Pourquoi des poètes en temps de détresse / S/d de J. Rancière. Paris: Albin Michel, 1992. P. 65–83.
- Goyet B.* Charles Maurras. Paris: Presses universitaires de Sciences Po, 2000.
- Hanna M.* Contre Kante et la Kultur // L'Action française, culture, société, politique. III. Le maurrassisme et la culture / Olivier Dard, Michel Leymarie, Neil McWilliam (éds.) Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2010. P. 121–130.
- Joubert J.-M.* L'Antisémitisme d'État de Charles Maurras // Charles Maurras. Cahier de l'Herne. P. 317–318.
- Kunter T.* Charles Maurras: la Contre-Révolution pour l'héritage. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 2009.
- Lacan J.* Kant avec Sade // *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 765–790.
- L'Action française et l'étranger: usages, réseaux et représentations de la droite nationaliste française / C. Pomeyrols, C. Hauser (éds). Paris: L'Harmattan, 2001.

L'Action française: culture, société, politique / M. Leymarie, J. Prévotat (éds). Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2008.

L'Action française, culture, société, politique. III. Le maurrassisme et la culture / O. Dard, M. Leymarie, N. McWilliam (éds.). Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2010.

L'Action française, culture, société, politique. IV. Maurrassisme et littérature [Texte imprimé] / O. Dard, J. Guérin, M. Leymarie (éds). Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2011.

Lindenberg D. Le Rappel à l'ordre. Enquête sur les nouveaux réactionnaires. Paris: Seuil, 2016.

Massis H. Charles Maurras et notre temps. Paris—Genève: La Palatine, 1951.

Maurras Ch. Pascal puni. Paris: Pierre de Tartas, 1953.

Maurras Ch. La langue provençale // Cahier de l'Herne. 2011. No. 96. P. 93—95.

Maurras Ch. Le nationalisme intégrale // URL: <http://maurras.net/textes/142.htmlnote1>.

Maurras Ch. Nihilisme russe et la philosophe allemande // URL: <http://maurras.net/textes/202.htmlp5>.

Mège Ph. Maurras et le germanisme. Paris: Éditions de l'Encre, 2004.

Michelet J. Préface (1847) // Œuvres complètes de J. Michelet. Histoire de la Révolution française (7 tomes). T. 1. Paris, s.d. (1893—1898). P. 31—46.

Pinchard B. Maurras entre Dante et Virgile. Essai gibelin // *Charles Maurras*. Cahier de l'Herne. 2011. No. 96. P. 85—88.

Prévotat J. Les catholiques et l'Action française: histoire d'une condamnation: 1899—1939 / Préf. de René Rémond. Paris: Fayard, 2001.

Reynaud-Paligot C. Maurras et la notion de race // L'Action française, culture, société, politique. III. Le maurrassisme et la culture / Olivier Dard, Michel Leymarie, Neil McWilliam (éds.) Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2010. 113—114.

Rouso H. Vichy, le grand fossé // Vingtième siècle. 1985. No. 5. P. 55—80.

Rutkevich A. M. Politicheskaya doktrina Sharlya Morrasa [Charles Maurras's Political Doctrine] // *Maurras Ch.* Budushchee intelligentsii [The Future of the Intelligentsia] / Translation from French and afterword by A. M. Rutkevich. Moscow: Praksis, 2003. (*Ideologies Series*). P. 79—157.

Wagner G.-P. Maurras en justice. Etampes: Clovis, 2002.